

На печи сидит дед, свесив босые ноги, и читает письмо кухаркам... Около печи ходит Вьюн и вертит хвостом» (С., 5, 481). Формально рождественский рассказ Чехова заканчивается счастливо. С другой стороны, финал трагичен и трагическое не ограничивается детской ошибкой. Девятилетний мальчик умоляет деда: «...увези меня отсюда, а то помру» (С., 5, 479). «Дедушка, милый, нету никакой возможности, просто смерть одна» (С., 5, 480). «А наемдни хозяин колодкой по голове ударил, так что упал и насилу очухался» (С., 5, 481). Смерть из идиомы становится трагической возможностью. Масштабы трагедии детское сознание не улавливает, они доступны только авторскому сознанию.

В русской литературе у чеховского рассказа есть только один аналог – рождественский рассказ Ф. М. Достоевского «Мальчик у Христа на елке». В отдельных деталях сюжета эти рассказы даже совпадают. Как и Ванька Жуков, герой Достоевского приехал в большой город из провинции («где было так тепло и ему давали кушать»), он остается сиротой, люди в большом городе к нему безжалостны. Есть и аналог золоченого ореха с праздничной елки – это копейка, которую подала барыня, да и сам образ чужой елки, чужого праздника центральный и у Чехова, и у Достоевского. «А на елке сколько огней, сколько золотых бумажек и яблоков, а кругом тут же куколки, маленькие лошадки; а по комнате бегают дети, нарядные, чистенькие, смеются и играют, и едят, и пьют что-то»⁶. В рассказе Достоевского также пересекаются две точки зрения – взрослая и детская и, соответственно, мир, данный в кругозоре ребенка, корректируется автором-повествователем. Но если у Чехова смерть сироты в Москве все-таки гипотетична, то герой Достоевского замерзает в Рождество на улице. В предсмертном сне он оказывается у Христа на елке. «У Христа всегда в этот день елка для маленьких деточек, у которых там нет своей елки»⁷. Отсутствующая «здесь» в реальном времени-пространстве справедливость восстанавливается «там», в сфере ноуменального. И хотя автор-повествователь все время подчеркивает, что он «сочинил» эту «историю», она утверждается как трагический факт. «Но вот в том-то и дело, мне все кажется и мерещится, что все это могло случиться действительно, то есть то, что происходило в подвале и за дворами, а там об елке у Христа – уж и не знаю, как вам сказать, могло ли оно случиться или нет?»⁸

Трудно сказать, помнил ли Чехов о Достоевском, когда писал свой рождественский рассказ, но тот и другой говорят о чуде рождественской ночи с известной долей иронии. Специфической условно-

⁶ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30-ти т. Т. 22. Л.: Наука, 1981. С. 15.

⁷ Там же. С. 16.

⁸ Там же. С. 17.